

9. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX в.: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005.

10. Полоцкая Э.А. Антон Чехов // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). – Кн. 1. – М.: Наследие, 2000.

11. Петрушевская Л. Московский хор. – СПб: Амфора, 2007.

УДК 821.161.1 – 82.1:06 / Мамонов

Н.П. ДИДЕНКО
(Киев)

СПЕЦИФИКА ЛИРИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ЛИРИКЕ ПЕТРА МАМОНОВА

Аннотация

Статья посвящена изучению специфики лирического героя в песенном творчестве современного рок-музыканта и актера Петра Николаевича Мамонова. В статье рассматривается специфическая картина мира героя, а также его связь с русской традицией шутовства.

Ключевые слова: лирический герой, современная рок-поэзия, психоделика, уродливый, миф, вертикальная парадигма.

Анотація

Статтю присвячено вивченню специфіки ліричного героя у пісенній творчості сучасного рок-музиканта і актора Петра Миколайовича Мамонова. У статті розглядається специфічна картина світу героя, а також його зв'язок з російською традицією блазенства.

Ключові слова: ліричний герой, сучасна рок-поезія, психоделіка, блазень, миф, вертикальна парадигма.

Summary

This work studies the specific of lyric hero in song work of modern rock-musician and actor Peter Nikolaevich Mamonov. The specific of space which a hero is in, the world which he exists in, and also his connection with Russian tradition of buffoonery are also examined.

Key words: lyric hero, modern rock-poetry, psychedelic, buffoonery, myth, vertical paradigm.

Поэтическое творчество современного рок-музыканта и актёра Петра Николаевича Мамонова практически не исследовано, не считая немногочисленных публикаций в Интернет-пространстве, статей, скорее относящихся к музыке и театру, чем к поэзии, а также упоминаний в общих обзорах музыкальных критиков. Цель данной статьи – проанализировать специфику лирического субъекта в песенной лирике П.Н.Мамонова.

В творчестве автора сталкиваемся с явлением, когда лирический герой сливается с маской автора и его образом, который в свою очередь выходит за пределы сцены, обретая определённый мифологизированный облик. В сознании читателя/зрителя такое отождествление происходит и благодаря автобиографичности образа. Он моделируется как иронический, провокационный. В частности, акцентируется реальное пристрастие автора к так называемому «исконно русскому недугу» – алкоголю. Оно сквозит во многих текстах, да и сама психоделика у Мамонова самобытная, исконно русская, «алкогольная» (в отличие от классической западной наркотической психоделики). Сам же автор жанрово определил свое песенное творчество как «русские народные галлюцинации», где очень зыбка грань между дионисийски-оргиастическим модусом и реальностью. Акцентирование алкогольного дискурса свидетельствует о реализации модернистской традиции (в отличие от постмодернистской, изображающей «расширение сознания» посредством наркотического дискурса).

Герой П.Н. Мамонова, как правило, одинокий, пьющий, не вызывающий, казалось бы, никакой симпатии. Это маргинальный советский гражданин, при этом одна из характерных его черт – двойственность, расщепление. Например, в тексте «Бронепоезд», где герой даже не раздваивается, он распадается на три части.

Чем толще броня, тем меньше места внутри.
Чем толще она, тем там темнее и гаже.
Но мы заперты дверью, чтобы вы не могли
Войти к нам и слиться со всем экипажем.
ТроТрое в поезде. Только трое.
ТроТрое глядят во тьму.
ТроТрое в поезде. Смех и горе,
Но Но не бывать окну [...] [1,65]

Даже его имя распадается на буквы «К-О-Л-Я» [1,67], как в стихотворении «Консервный нож». Он, кажется, даже теряет признаки пола, становится «чистым», стерильным.

Перестал я даже бриться но щетина не растет
Стал я чистый чистый, чистый с той поры как взял расчет
(«Досуги-буги») [1,48]

Нет это я забеременел
Их недоверием, их унынием [...] [1,72]
(«Большой беременный бег»)

У героя П.Н. Мамонова своеобразные отношения с женщинами, да и женщины своеобразные. В тексте «Бумажные цветы» встречаем женщину искусственную, причем это не Галатее, а намеренно сниженный образ женщины с рекламного плаката в универмаге.

Приведенный ниже текст – грустная, лиричная исповедь об утраченной любви. Но Мамонов играет с нами, вводя рефрен, разрушающий иллюзию и подчеркивающий неуместность эротического пафоса, происходит снижение прекрасного образа. Привожу целиком, выпуская рефрен после каждой строфы (дабы наглядно продемонстрировать, как он меняет восприятие).

Стоило завидеть осанку твою,
Я понимал, как тебя люблю.
Стоило завидеть крутые бока,
Знал и видел будешь моя.
Ты была так нежна,
Прозрачна изящна и нежно светла.
К тебе поневоле тянул свои руки,
Корчась от боли и любовной муки.
Клал тихо руку на нежное горло -
Ты в руку ложились легко и покорно
И слабыми пальцами за язычок
Брался и срывал невинный колпачок
Устало ты дышала и еле текла,

Но ты меня любила до самого дна.
Ногтями впивался я в бедра твои,
Тебя нагибал и просил: "Повтори!"
Когда ты пустела, летела под стол.
Я рядом ложился на грязный пол.
Пустую тебя я всегда предавал,
Пустую тебя на деньги менял.
Почему, почему ты ушла от меня?
Лежу и жду – на часах два.
Время пришло, но тебя нигде нет.
Снимаю со стены свой велосипед.
Вывожу во двор старый велосипед.
Снимаю со стены свой велосипед.
Бутылка водки! Бутылка водки! [1,40] («Бутылка водки»)

Или, скажем, «Гадопятикна», вызывает в памяти «Недотыкомку» Ф.Сологуба, а сам текст является явной пародией на стихотворение Марины Цветаевой. Вместо «*рук не разнимут двое*» у Мамонова «*Единый рупь / Не разнимут двое*». Пародия еще и фонетическая, и интонационная. «*Не от свеч, от ламп темнота зажглась: От бессонных глаз!*» превращается в «*От бизоньих глаз темнота зажглась*». А «Нет и нет уму / Моему покоя. / И в моем доме / Завелось такое» в «Гадопятикне» звучит как «*А в моем доме завелось ТАКОЕ! / Такое...*» [1,54]. Таким образом, стихотворение, исполненное лиризма и грусти перевернуто, пародия выворачивает наизнанку его смысл. Создается впечатление, что автор играет с нами, паясничая.

Такое «шутовство», бесспорно, опирается на традицию, также имеющую чисто русскую специфику. В средневековье на Руси считалось, что бессвязная речь юродивых, вызванная дефектом физиологии и психики, может содержать в себе божественные откровения. П.Н. Мамонов фиксирует эту бессвязность графически, играет, разбивая слова на слоги и звуки и перемешивая их, иногда «тасуя» слова в предложении, а порой и меняя местами строчки, как в тексте «Крым»:

Стою в будке, весь мокрый, слишком жарко
Стою жарко, весь мокрый, слишком в будке я

Стою весь в будке, слишком мокрожаркий
Весь в будке слишком мокро стою
Крым – Мрык [Арма]!!!
Крым Крым [Армарка]
Весь в будке слишком мокрый стою
Стою весь жарко слишком мокрый я
Весь будке слишком мокро жаркий в
Стою весь жаркий, слишком мокро
Крым – Мрык [Арма]!!!
Крым Крым [Армарка]
Денег! Вышли мне денег!
Денег! Вышли мне денег! [1,51]

Мир героя дисгармоничен, оставляет гнетущее впечатление. Он грязен, нарисован серыми красками и наполнен самыми неприглядными явлениями советской действительности.

Пространство, в котором находится герой, как правило, замкнуто, циклично. Все в мире указывает на обреченность героя. То ли это муха методично бьется в стекло, то ли повторяющиеся слоговые группы создают впечатление безнадежности, тупика, автоматизма:

дождь за окном но-но-но-но-но-но-ном
муха жужжит бье-ца-ца-ца в стекло [1,67]

(«Консервный нож»).

В текстах автора чаще всего нет знаков препинания, определяющих паузы, что тоже создает определенный эффект монотонности. Герой постоянно пытается уйти от себя, но в итоге попадает из одного мира ложных сущностей в другой. Скажем, в тексте «Досуги буги» герой начинает рассказ о новой жизни словами:

Я уволился с работы
Потому что я устал
Я почти не пью вина
Я хожу в спортивный зал [1,48],

а в стихотворении «Лифт на небо» двойник героя читает «Три сестры», что, пожалуй, также указывает на его неспособность вырваться из замкнутого круга. Нередко происходит замещение одних мнимых ценностей другими, когда герой, мечтает о вечной чистоте своих ногтей. Прошлое и настоящее здесь идентичны, время и пространство статичны как, в текстах «Блюз» или «Зима»:

И дым лиловых сигарет совсем как тот
Мерзлый дым [...]
Из тех труб в том городе той зимой [1,24].

Иногда появляется формально другой герой, как в стихотворениях «Серый голубь» или «Бойлер», где повествование идет от «лица» голубя и кипятка соответственно. Эти образы также намеренно снижены. Здесь вода – это кипяток, который бежит по водопроводным трубам, «зимует» в бойлере и *«не хочет на волю, чтобы стать ручьем»* [1,33]. Здесь голубь не библейская птица с оливковой веточкой в клюве и не вестник мира. Он *«ест на помойках и пьет из луж»*, он *«грязен, болен, гадость, дрянь»*, – такие обозначения использует автор для своего героя. Однако «Серый голубь» – это, пожалуй, самый оптимистический текст во всей песенной лирике автора. Когда мы уже успеваем окончательно увериться в ничтожности, «ненужности» и обреченности героя, последняя строчка-пуант: *«Зато я умею летать!»* – резко меняет картину, заставляет читателя задуматься. Почему же этот «самый ненужный» считает свое положение достойной платой за способность летать? Здесь герой вырывается из своего цикличного, обреченного мира и получает надежду на спасение.

Таким образом, в поэзии П.Н.Мамонова лирический герой намеренно надевает на себя маску, включается в ролевые ипостаси то среднестатистического советского гражданина, то маргинала, то шута. Однако, за гротескным шутовским колпаком и полубезумным юродством просматривается, во-первых, деконструктивная модель обесмысленного и обесцеленного оюыденного существования; во-вторых, подобная ролевая игра выступает своеобразной формой остранения от бессмыслицы существования в быте, таким образом поднимая сущностные вопросы смысла

жизни и бытия, намечая за иронически-пародийным модусом традиционную для русской литературы аксиологическую вертикальную парадигму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поэты русского рока: Петр Мамонов, Константин Никольский, Александр Ф. Скляр, Алексей Романов, Армен Григорян, Найк Борзов. – СПб.: Азбука-классика, 2005.
2. Белый А.А. О творчестве Петра Мамонова времён «Звуков Му». – Эл. ресурс: <http://white.narod.ru/zvukimu.html>
3. Альтернатива. Опыт антологии рок-поэзии. – М.: Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1991.